

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141

А. А. Григорьев

Онтологический статус подпольного человека Ф. М. Достоевского

В статье обсуждается онтологический статус героя «Записок из подполья». Автор настаивает, что основная проблема, которой озадачен Парадоксалист, — проблема человеческого существования. Логика, выстраиваемая героем произведения Достоевского, показывает, что человек является границей, разделяющей его «внутреннее» и «внешнее», и вся неуловимая сущность человека сосредоточена в данном понятии границы. В этом проявляется и величие и низость человеческого существа, его интеллигибельная царственность и его эмпирическая приземлённость.

Материалы статьи были доложены на XV Конгрессе Достоевского в Москве, июль 2013 г.

Ключевые слова: *онтология, сущность, граница, Другой, разум.*

A. A. Grigoriev. The ontological status of the underground man of Fyodor Dostoevsky.

The article is discussed the ontological status of the hero of «Notes from Underground». The author insists that the main problem, which puzzled paradoxalist — is the problem of human existence. Logic, to build a hero of Dostoevsky's works shows that a person is the boundary separating his «inner» and «outer» and all elusive sushnost person centered in the concept of the border.

This is manifested greatness and meanness of the human being, his kingship intelligible and empirical earthiness.

Keywords: *ontology, nature, border, another, reason.*

*Человек — свободное зеркало: отражает то,
на что он постоянно смотрит.*

Святитель Григорий Нисский

*Тот, кто действует, всегда лишен совести,
лишь мыслящий наделен ею.*

И. Гёте

В самом начале «Записок из подполья» в авторском примечании Достоевский пишет: «Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество» [2; с. 99]. Зададимся вопросом, о каких особых обстоятельствах и, соответственно, о каких лицах идёт речь. Я считаю, что этим высказыванием Достоевский констатирует, что русское общество «созрело» для собственно философских размышлений, и первая часть «Записок» тому ярчайшее подтверждение. Темы, предлагаемые и обсуждаемые Парадоксалистом¹, — типичная метафизика, а вернее онтология. Парадоксалист озабочен последними «проклятыми» вопросами бытия — о смысле и статусе собственного существования.

Из названия статьи можно заключить, что речь пойдёт о статусе, т. е. о том, с чем слит или во что «влит» герой подполья Достоевского.

¹ Для чисто стилистического удобства я буду называть Подпольного человека Парадоксалистом, тем более, что это название давно уже обрело жизнь в научном сообществе и, на мой взгляд, точно характеризует одну из главных черт героя Записок — его «противоположность» устоявшемуся мнению. Парадóкс (от греч. παράδοξος — неожиданный, странный, от др.-греч. παρά-δοκέω — кажусь) — ситуация (высказывание, утверждение, суждение), которая может существовать в реальности, но не имеет логического объяснения. Парадоксалист демонстрирует реальность парадоксальности человеческого существования и пытается осуществить предельное додумывание и переосмысление предыдущей романной и философской традиций, т.е. доводит до ума те сдвиги, которые произошли в понимании статуса духа-разума, с момента его окончательных формулировок в философии Гегеля и произведений немецких (конечно же, и французских, и английских) романтиков.

Сразу же замечу, что герой Записок демонстрирует виртуозное умение «эмоционального» доказательства, что попытки ухватить сущность человека через его отождествление с каким-либо из известных предикатов (больной, умный, гадкий, возвышенный и т. д.) заранее обречены на провал. Ориентируясь на эту неуловимость, я буду отстаивать главный тезис своей работы, заключающийся в следующем:

— герой Достоевского — не растерянный резонёр, совершенно запутавшийся в непреодолимой антиномичности собственного существования, а человек, ищущий смысл своего существования в виде окончательно данной формулы, как, например, в знаменитой дефиниции «Человек есть двуногое и неблагодарное»¹ (реплика Парадоксалиста);

— Парадоксалист своей корявой болтовнёй демонстрирует фантастическую динамику собственной сущности. Всё время пытаюсь понять парадоксальность ситуации, в которой он оказался и в которую он раз за разом попадает (падает — по Хайдеггеру), герой выговаривает себя как границу, как то, что одномоментно разделяет и соединяет его самого с любыми другими сущностями, т. е. что он и есть граница, по которой проходит разделение/соединение между добром и злом, между Богом и преисподней, между Небом и Землёй.

Вопросительность, ироничность, ёрничанье, рентгеновская проницательность ума Парадоксалиста демонстрируют своеобразную «игру» с читателем, да и с самим собой, говоря гегелевским языком, в полагание и снятие. Непрерывный поток утверждений и отрицаний демонстрирует постоянный подтекст глубинного вопрошания — возможно ли окончательно определиться с сущностью этого странного и неуловимого, как Протей, образования, именуемого человеком? Если определение как определЕвание (т. е. задавание предела) предполагает внятную формулировку некоей константы, к которой устремлён человек. Недостаточность предикативных форм — улавливания человеческой сущности, неисчерпаемость этих форм — сущность источника этой самой предикативности, т. е. самой мысли в своих основаниях. Именно поэтому Парадоксалист — первый со-

¹ Здесь Достоевский явно следует за ироническим определением, приписываемым традицией Платону: «Человек — существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями; единственное из существ, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях (logoi)» [5, с. 433].

стоявшийся философ на русской земле, поскольку мысль в своих основаниях может ухватить только сама же мысль.

Если сформулировать ответ на поставленный Кантом вопрос: **«Что есть человек?»**, то ответ можно сформулировать в виде следующей дефиниции: **Человек есть граница самого себя и всего остального — Бога, мира, другого человека.** Подчеркну ещё раз, чтобы акцентировать на этом внимание читателя: — Человек не есть существо, находящееся *на* границе, а он и есть *сама граница, т. е. он есть отношение (функция), а не готовая сущность.* По моему мнению, подобный подход позволяет по-новому взглянуть на статус подпольного человека и на последующие экспликации, которые из этого статуса следуют.

Для начала реплика на очень популярную в литературе о «Записках» попытку идентификации социального статуса Парадоксалиста, которая в корне ошибочна. Его отождествляют то с истерическим параноиком, то с типично русским человеком, то с демонической личностью, превращающейся в дальнейшем и в Свидригайлова, и в Раскольников, и в Ставрогина и т. д. Благодаря «неблагообразной болтовне» Парадоксалиста в человеке можно понять всё что угодно — и низость, и подлость, и святость, и нетривиальный ум. Такого рода идентификации промахиваются мимо самого главного в нём — мимо его онтологического статуса. Представление об исходной ущербности Подпольного человека не выдерживают никакой критики, ибо ущербные не имеют такой мощи ума и такой проницательности. Парадоксалист неоднократно заявляет, что он и есть самый умный¹ и что «мы рассуждаем серьёзно». Попробуем разобраться, какой ум имеет в виду Парадоксалист и чем этот ум озадачен.

¹ Например: «Потому, во-первых, я виноват, что умнее всех, которые меня окружают. (Я постоянно считал себя умнее всех, которые меня окружают, и иногда, поверите ли, даже этого совестился.) [5, с. 10]. Или: «Пусть уж будет и некрасивое лицо, — думал я, — но зато пусть будет оно благородное выразительное и, главное, *чрезвычайно умное*» [5, с. 124] (*выделено Достоевским*). И наконец: «Это была мукамученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение, что я муха перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, — всех умнее, всех развитие, всех благороднее, — это уж само собою, — но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорблённая» [2; с. 130].

Не вызывает сомнений, что Парадоксалист апеллирует к просвещенческому проекту разума, ставившему вопрос о сущности человека¹, как она понималась в Просвещении. Однако Парадоксалист далее в своих эпатажных рассуждениях даёт убийственную критику (а-ля Кант) этой сущности человека. В тексте записок неоднократно появляется выражение «прекрасное и высокое», которое сильно надавило Парадоксалисту затылок [2, с. 109], что, несомненно, свидетельствует о критическом и даже ироническом отношении к предшествующему романтизму (в частности, в собственных «доподпольных» произведениях)². Но и по поводу просвещенческого разума звучит убийственное в своей точности высказывание, хотя таких высказываний во множестве разбросано по всему тексту произведения: «Я согласен, что дважды два четыре — превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять — премилая иногда вещь» [2, с. 119].

Подполье оказывается глубинами его души, корнями, из которых растёт человеческое существо, — всё остальное фасад, сущность там, в глубинах, в пещерах, в подполье. Однако подполье это очень странное, ибо Парадоксалист хочет сознательно отвечать за всё, что с ним происходит, он хочет быть автором самого себя как ответственного существа (и ответчивого одновременно). Он обнаруживает, что его человеческое величие никак не отделимо от его человеческого ничтожества (пакости, мерзости, разврата). Получается, что подполье одновременно является и величайшей вершиной, а граница между ними проходит через сердце и ум Парадоксалиста.

Парадоксалист демонстрирует взятие на себя полноты ответственности за самый модус своего бытия, за его (бытия) «**такость**» или «**вотость**», как сказал бы Хайдеггер. Подобная установка влечёт за собой осознание ответственности не только за себя, но и за встречу со всем миром, с другим существом (любимым сущим: Бог, природа, другой человек). Это другое сущее имеет смысл обозначить как

¹ Ещё раз напомним, что речь идёт о трёх основных вопросах кантовской философии: *Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?*, объединённых в конечном счёте в одном — *Что есть человек?*

² Да и на страницах «Записок» звучит едкая сатира на романтизм, например: «...хоть разбойники и воры отъявленные, а всё-таки до слёз свой первоначальный идеал уважают и необыкновенно в душе честны» [2, с. 126].

Другой (именно с большой буквы). Парадоксалист бьётся над тайной и разгадкой этой дружности Другого.

Для того чтобы «увидеть» Другого, войти с ним в осознанный контакт, необходимо каким-то образом открыться Другому: Достоевский ставит вопрос об источнике открытости Другому, откуда исходит эта возможность — от Другого или от меня самого. Повествование построено таким образом, чтобы продемонстрировать: своей собственной открытостью человек отвечает за встречу с Другим. Если человек не берёт на себя ответственность за встречу с Другим, то он с ним и не встречается, ибо Другой не может отвечать за встречу. Но из этого следует, что если я не отвечаю за встречу с другим, то тем самым не могу встретиться с самим собой, ибо открытость Другому и есть предпосылка открытости самому себе¹. Другой может мне встретиться только при условии моего свободного волеизъявления, создания условий для этой встречи. Этому можно привести массу примеров. Остановлюсь только на одном: открытии в космологии реликтового излучения. Если разум человека во всеоружии своих научных знаний не создал бы условий для столкновения с таким феноменом, как реликтовое излучение, то он (разум) никогда бы не узнал о существовании этого излучения, он бы с ним не встретился, и этот термин никогда бы не вошёл в научный обиход. Но ведь это и означает, что условия встречи, т. е. её возможность, организуется самим разумом. Со времён кантовской «Критики чистого разума» подобная ситуация была названа мысленным экспериментом, хотя осмысление этой ситуации было заложено ещё Декартом и философами Возрождения. Разум создаёт условия, и если они окажутся подходящими, то встреча состоится, а если нет, то это и будет означать, что условия надо как-то менять, заново продумывать, чтобы Другое появилось в «пространственно-временном континууме», откликнулось, вошло в горизонт «виденья».

Однако Другой отрицает мою свободу, он меня раздражает, доставляет мне боль, заставляет меня страдать. Поэтому страдание и является источником сознания и запускает механизм познавательного процесса. Тема боли у Достоевского имеет огромное значение.

¹ «...Пробиться к себе самому для себя самого — такова установка всей исповеди «человека из подполья» [3, с. 270].

ние, но я могу остановиться на ней только вкратце, учитывая объём статьи. Записки начинаются с утверждения: «Я человек злой» — и далее, по ходу разворачивания сюжета, читатель наблюдает, как Парадоксалист корчится, испытывает муку мученскую, зубную боль, буквально вопит от боли. В чём смысловая нагрузка подобного педальирования боли, выставления её на всеобщее обозрение? Да всё дело в том, что боль — это и есть непостижимый образ Другого, не поддающегося никаким усилиям «ассимиляции» собственным разумом. Боль ставит непреходимую границу для мысли — это принципиально и радикально не-мысль. Но в то же время это раздражающе-детерминирующий источник осознания мыслью самой себя, возвращения Я к самому себе из неведомых глубин Другого¹.

Во-первых, боль, это моя боль, т. е. касается только меня и никого более, соответственно, через «болеву» связку проходит разделение меня и остального мира, но это разделение, осознанно указывающее локализацию феномена боли (в противном случае — «И равнодушная природа // Красою вечною сиять»).

Во-вторых, «во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, тот умножает скорбь», — слова Екклезиаста, с которыми перекликаются эскапады Парадоксалиста, несомненно связаны с болью и скорбью познавательного процесса, подчёркивают сопряжённость познания и боли, т. е. трагичность положения человека в мире как существа одновременно внутримирного и неотмирного, стоящего на границе двух миров и являющегося границей или средостением мира горнего и мира дольного, горизонтом схождения Земли и Неба. Парадоксалист не просто познающий, он беспощадный хирург, препарирующий собственную душу ради обретения пути к истине (метода?).

В-третьих, собственно боль, стартовый момент любой истории, начиная с грехопадения и изгнания прародителей из Рая (утрата непосредственности бытия) и заканчивая конкретным эпизодом личной истории Парадоксалиста (эпизод с Лизой), в котором болевой момент тесно связан с познавательным (онтология и история

¹ «Страдание — да ведь это единственная причина сознания. Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовольствия» [2, с. 115].

как взаимосвязанные и взаимозависимые). Жизнь любого человека, приходящего в мир, начинается с крика от боли, а не с радостного смеха. Боль сопровождает человека по жизни и не даёт ему расслабиться в своих соллипсистских фантазиях.

В-четвёртых, боль символизирует и репрезентирует конечность человеческого существования, его бытие к смерти. От боли, как и от смерти, никуда не деться, она настигает в самый неподходящий момент и она заставляет считаться с собой и... задуматься. Поэтому боль — один из фундаментально-значимых моментов перехода от непосредственного восприятия окружающего к его опосредуемому умом вопрошающе-понимающему приятию.

В этом смысле показательное сопоставление монологического диалога, демонстрируемого Парадоксалистом, со структурой (онтологией) платоновских диалогов, в которых нет раздражения и нет боли от встречи с Другим. Герой платоновских диалогов, Сократ, в Другом обнаруживает самого себя, своё неуничтожимое начало, свою вечную душу, обуславливающую в воспоминании возвратное движение к истоку¹. Парадокс платоновского Сократа в том, что только Другой отвечает за встречу, Сократ за неё не отвечает, ибо Другого по сути нет, есть только вечный сияющий Макрокосмос и его партиципированное подобие — Микрокосм.

Иначе эту мысль можно выразить в том смысле, что собственно Сократа нет, есть только Другой. У Сократа Другой открывает истину, Сократ занят только майевтикой, т. е. родовспоможением². Это открытие связано с идеей «анамнезиса», т. е. воспоминания о своей небесной родине. Именно поэтому все оказываются равны в возможно-

¹ Понятно, что для Сократа понятие, концепт другого Я не существует, поэтому я старательно избегаю здесь этого термина, поскольку он не применим к данной ситуации не в лексико-грамматическом, а в метафизическом смысле. Душа и Я у античных авторов точно не тождественны, а уж отождествление Я с умом или сознанием вообще невозможно.

² Образ Сократа появляется в этом рассуждении не как какая-то досадная подробность событий «давно минувших дней», а именно как конгениальный оппонент Подпольного человека. В диалоге «Апология Сократа» Сократ сравнивает себя с оводом, не дающим афинянам успокоиться и заснуть. Подпольный человек называет себя мухой, гадкой и непотребной. Ролевые параллели кажутся очевидными, как и сущностные образы действующих персонажей.

сти обнаружить, вспомнить эту родину в глубинах собственной души. Небесная родина — умный космос — уже естественным образом «упала в меня», покоится во мне и мне нужна только помощь, чтобы этот умный космос обнаружить в себе, приоткрыть пелену, застилающую его сияющий лик.

У Достоевского совсем другая структура (онтология) диалога, в которой за встречу отвечает именно человек, репрезентируемый как Я, мысль, сознание. Встреча Я и Другого — это модус бытия самого Я, но никак не другого. Парадоксалист своей эпатажной болтовнёй вызывает эмоциональную реакцию читателя/слушателя, тем самым запуская процесс раскрытия адресата/собеседника, заставляет его выйти из своего монадно-успокоенного укрытия и ответить, вступить в диалог.

В отличие от Сократа, предлагающего участнику диалога заглянуть в собственную душу и увидеть в ней то же, что видит Сократ, поскольку видим мы, как в дальнейшем скажет Аристотель *ταῦτα πασι*, «одинаковое для всех», Парадоксалист, наоборот, провоцирует читателя — раскрой себя, скажи, что ты видишь в том, что вижу я. И вот тут оказывается, что видится и понимается разное, и чтобы увидеть «одно и то же» необходимо вступить в объяснения, разъяснения, обмен репликами и т. д. Таким образом, Парадоксалист, как это ни покажется странным, создаёт условия раскрытия сущности противостоящего ему сущего.

Приведу такой пример, демонстрирующий позицию, казалось бы, античного разума. Разум (как высшая инстанция Я) открывает реликтовое излучение, которое лично мне не адресовано, у него вообще нет адресата. Это типичный античный мотив, в котором Космос не «видит» Микрокосм, индивидуальную душу. Космос «говорит» в никуда и ни к кому не обращаясь, он не видит своего Другого, совершенно равнодушен к нему. Поэтому — Эринии, блудительницы правды у Гераклита, поэтому — цепи необходимости. Смыслы — логосы, эйдосы, идеи — даны, а не заданы. Они падают в мою душу независимо от моего желания. Хочу я этого или нет, своей умопостигающей активностью я их обнаруживаю в собственной душе или уме, и в момент обнаружения моё Я исчезает (умный экстаз Плотина и неоплатоников). *Amor fati* в его исходно античном, а не ницшеанском значении. Но при этом следует сделать одно существенное уточне-

ние — так ведь это сам разум организовал собственную встречу с реликтовым излучением — построил приборы, получил данные, проинтерпретировал их. Без этой деятельности разума, без создания условий встречи он вообще бы ничего не знал о реликтовом излучении, он бы с ним просто не встретился.

Но уже начиная с Возрождения в литературе начинает звучать мотив индивидуальной ответственности, желания, воли — в произведениях Шекспира, Сервантеса, а теоретически это начинает оформляться в новоевропейской науке. Именно Разум создаёт систему условий мыслимости предмета, а дальше проверяет, происходит встреча или нет. Фактически, говоря в кантовских терминах, Разум вызывает на свой суд природу и заставляет её отвечать по правилам организации судебного заседания: Истец/ответчик, вопрос/ответ... Встреча с Другим организуется самим Разумом и в процессе суда происходит объективизация модуса бытия самого судьи, т. е. Разума. В просвещенческом Разуме получается странная ситуация: встреча Я с Другим определяется только самим Разумом (Я), т. е. между Я и Другим есть только Я, а где же Другой в его самости и дружности? Это особенно видно на примере кантовских антиномий — в пределах разума равнодоказуемо: начало мира в пространстве и времени и отсутствие этого начала, бесконечность в пространстве и времени; наличие в мире как его часть или как его причина безусловно необходимой сущности и отсутствие таковой и ещё антиномии о сложности/делимости и о природной причинности и свободной причинности. «...Во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний — и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил» [2, с. 105]. А это ощущение, по всей видимости, связано с переживанием своего величия, своей избранности, своего образа и подобию.

Но ведь герой «Записок» демонстрирует, что он блестяще понимает и уязвлён этой самой антиномичностью. Парадоксалист восклицает: «Либо герой, либо грязь, середины не было» [2, с. 133]. Значит, необходимо так переустроить, по-новому концептуализировать диалог, чтобы другой оказался в нём радикально Другим, другим, чем моя мысль. Он мыслит не так же, как Я.

Задумаемся, что практически утверждается в знаменитом лозунге французской революции — свобода, равенство, братство? Что я и

Другой — одно и то же и мыслим мы одинаково. В этом проявляется предельная свобода Я, которая всей душой стремится к Другому, но встреча с Другим вызывает боль. А без Другого не существует самого Я, поскольку Другой сопределен Я и тем самым участвует в формировании самого Я. Без проведения и удержания границы между двумя государствами теряется смысл говорения об этих государствах как суверенных образованиях. Одно существует только благодаря существованию другого. Значит, Я как адресат должно понимать, разуметь — кто или что скрывается за адресующимся к этому самому Я. Следовательно, адресат (Я) — это метафизическая, онтологическая реальность, а не физическая, химическая, биологическая и т. д. В чём объективизируется метафизическая диспозиция? В мысли, в сознании, которым обладает Я. Другой ко мне равнодушен (начало сцены с Лизой), но когда Другой со мной встречается, то он ограничивает мою свободу (результат встречи с Лизой). У Достоевского есть совершенно замечательный термин — Всемирность — некое безличное *das Man* (экзистенциал Хайдеггера), не замечающее меня. Более того, это Всемирность Я обнаруживает в самом себе, но Я обнаруживает и нечто совершенно иное: что именно Я отвечает за своё отношение ко всему, творящемуся и внутри и снаружи.

Где тогда локализуется это самое Я? Ответ — нигде, ни снаружи, ни внутри, оно и есть граница, оно существует в зазоре, между (*zwischen*)¹. Я есть отношение с самим собой и с остальным миром, подразумевается ли под последним Бог, другой человек или природа. Как может умопостигаемое Я быть одновременно и эмпирическим? По всей видимости, только при условии, что мысль (Я) совпадёт с эмоцией, т. е. озадачится самоопределением в определении себя другим. Следовательно, моё бытие относительно Другого и есть эмоция, т. е. переживание себя как определяемого другим и тем самым встречающимся в этом переживании и с самим собой, и с Другим. Нельзя содержательно думать, если не брать на себя ответственности за встречу с Другим, за свою открытость Другому. Открытость здесь понимается как предоставление Другому возможности явить свой Лик, «объективизироваться» в своей субъектности, вступить со

¹ «Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 366].

мной в контакт, в диалог. Но за предоставление такой возможности отвечает только Я, за все соединения — разъединения (синтезы — дизрезисы), оценки и суждения¹. В противном случае моё Я просто исчезает. Парадоксалист выговаривает новый модус опыта — не прямого определения и тем самым утраты суверенности Другого², а взаимоопределения, данного как подвижное, текучее, динамическое равновесие-граница, которая и есть соединяюще-разъединяющая сущность себя и Другого — живое зеркало, свободно отражающее свободно выбираемый предмет своего интереса. Или если уж говорить о столь любимой в обсуждениях «Записок» метафоре подсознательного, Парадоксалист являет собой подсознание, заговорившее с самим собой вполне сознательно, разделяя и соединяя одновременно в себе как границе Я (сознание, мысль) и то, что ему противостоит.

* * *

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
3. Достоевский Ф. М. ПСС. Л.: Наука, 1973. Т. 5.
4. Кант И. ПСС. Т. 3. «Критика чистого разума». М.: Мысль, 1966.
5. Платон. Диалоги. М., 1986.

¹ Думаю, уместно напомнить знаменитое кантовское суждение: «Должно быть *возможно*, чтобы я *мыслю* сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что во все нельзя было бы мыслить, иными словами, представление или было бы невозможно, или по крайней мере для меня не существовало бы» Кант [3, с. 191].

² Это соответствует встрече только с собственной познающей активностью и собственными представлениями, но никак не с Другим.